

Голос его звучал холодно, словно ледоруб:

— Это цена, которую ты платишь за свою глупость.

— Да, я глуп. Глуп настолько, что поверил другу, — а глупее всего было родиться твоим сыном!

— Нет, я злюсь не на то, что ты поверил. Каждый ребенок должен набить шишки, чтобы повзрослеть. Я злюсь на то, что человек из клана Бай позволил себя чуть не поиметь. Если кого-то и иметь, то это ты должен делать, а не тебя!

— Ха-ха-ха... кхе-кхе... — Жуань Мянмянь хотел рассмеяться, и слезы уже подступили к глазам, но от нахлынувшей боли он лишь закашлялся. С трудом приподняв голову, он впился взглядом в глаза Бай Сяо, смотревшего на него сверху вниз. В его собственных глазах вспыхнуло решительное пламя, словно у раненого зверя: — Бай Сяо, давай поспорим. Если через два месяца я обрету силу, достаточную, чтобы убить тебя, ты исполнишь одно мое желание. Любое, что бы я ни потребовал!

Сказав это, Жуань Мянмянь почувствовал, как ягодицы опалило жаром. Красный, оранжевый, желтый, зеленый... Неужели уже дошло до зеленого? Значит ли это, что он стал на шаг ближе к выполнению миссии по покорению Бай Сяо? Не успел он порадоваться, как слова мужчины охладили его пыл.

— Повзрослел или просто начался переходный возраст? Два месяца... даже если два года... или двадцать лет, я буду ждать, пока ты научишься быть взрослым. А теперь вставай. Твоих сил вполне хватит, чтобы перенести это наказание.

Встретив внезапную дерзость сына, Бай Сяо поначалу удивился, но быстро успокоился. В его понимании истинный наследник не должен был просто проявлять агрессию.

У Бай Сяо не было опыта воспитания детей, да и никто не осмелился бы его учить. Он лишь проецировал на Бай Чжаныцзи то, через что прошел сам в прошлом. Настоящий Бай Чжаныцзи с детства воспитывался в таких искаженных условиях, что его характер с каждым годом становился всё более извращенным.

Видя, что Бай Сяо пропустил его слова мимо ушей, Жуань Мянмянь понял: сейчас, что бы он ни сказал, Бай Сяо не воспримет его всерьез. Нужно делом доказать свою силу!

Жуань Мянмянь лежал на полу, не шевелясь, делая вид, что не слышит слов отца. Кто после такой экзекуции мог бы тут же вскочить и вести себя как ни в чем не бывало? Возможно, реакция сына вызвала у Бай Сяо интерес. Он присел на корточки, намотал прядь волос Жуань Мянмяня на палец и, не обращая внимания на влажность, несколько раз погладил:

— Почему ты так вспотел? Очень больно?

Попробуй сам, узнаешь, больно или нет! — Жуань Мянмянь скривил губы, у него не было сил спорить с этим зверем.

Он позволил чужим ладоням медленно скользить по своим волосам, по влажной от пота шее. Взгляд мужчины не упускал ни одной детали, ни одного участка кожи. Увидев капли пота на

гладкой коже, Бай Сяо медленно потянул за края разорванной рубашки и запустил широкую ладонь под ткань. Горячая кожа ладони заставила Жуань Мяньмяня вздрогнуть. Холодный пот прошиб его с новой силой; во время наказания было не так больно, как сейчас, от этих прикосновений, заставлявших его едва ли не стонать.

Давление Бай Сяо усиливалось, и Жуань Мяньмянь невольно вцепился в его руку, которая продолжала медленно спускаться ниже.

В глазах Бай Сяо плескалась темная, неведомая пучина. Внезапно он с силой надавил на воспаленные следы на спине сына. Вся боль, казалось, сконцентрировалась в одной точке, вырвав из груди Жуань Мяньмяня жалобный стон. Он хотел перевернуться, но Бай Сяо навалился всем весом, подавляя любое сопротивление.

Вскоре по спине разлилась прохлада — видимо, Бай Сяо наносил мазь. Стыд от того, что он лежит в таком виде перед всеми наемниками клана Бай, был настолько силен, что Жуань Мяньмянь был готов провалиться сквозь землю.

Бай Сяо наносил мазь осторожно и тщательно, но слова его были полны ярости, а в глазах застыла холодная жестокость:

— Где тебя трогал И Пиньго? Здесь... или здесь? Ну и ну, мой славный сынок, позволил себя облапать без всякого труда?

Бай Сяо менял положение рук, лохмотья рубашки цеплялись за тело, и из горла Жуань Мяньмяня вырывались тихие вскрики:

— Отец...

— Тсс, молчи... Мазь еще не нанесена. Что ты будешь делать, если ночью станет еще больнее?

Да от тебя мне сейчас больнее, понимаешь ты это?!

Под мягким голосом Бай Сяо скрывалось сердце ядовитого скорпиона. Эта леденящая душу злоба постоянно сочилась наружу. В глазах Жуань Мяньмяня мелькнул страх. Даже если прежний Бай Чжанынзи творил безумные вещи, он максимум выгонял людей из клана на произвол судьбы, но подобных странных действий никогда не совершал. Его маска сурового парня треснула под напором этой неожиданной пытки. Пот капал с висков на ковер, и Бай Сяо бережно его стирал.

— Чего дрожишь? Какой отец станет вредить собственному сыну? — хотя эти слова прозвучали мягко, они вызвали у Жуань Мяньмяня...

Он чувствовал, что под давлением Бай Сяо у него скоро случится раздвоение личности: жестокость и нежность сменяли друг друга с пугающей частотой!

Казалось, пара легких фраз могла обесценить все его усилия. Вспомнив, что в запретной книге эта жизнь описывалась как миссия начального уровня, он подумал: если на протяжении ста жизней его сексуальная ориентация неизменно была направлена на мужчин, да еще и такого типа, то быть девственником — не такая уж и обида.

Увидев, как Жуань Мяньмянь мучается под его нарочито сильным нажатием, Бай Сяо почувствовал невольную мягкость. Младенец, который когда-то был таким крошечным, что, казалось, мог перестать дышать от одного прикосновения, вырос... Ему даже захотелось

прижать его к себе, подавить, разорвать!

В глубине его глаз вспыхнуло сильное вожделение, но, словно окатив себя ледяной водой, он мгновенно остыл до предела.

Если возникшее мгновение назад томление можно было списать на минутный порыв, то теперь это жгучее, почти жестокое желание Бай Сяо уже не мог игнорировать. Его лицо почернело, словно дно котла, а глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит — он выглядел как воющий демон из преисподней.

Он закрыл лицо руками. Он действительно испытал вожделение к собственному сыну!

Хотя Бай Сяо не боялся осуждения общества, в вопросах кровного родства он оставался обычным человеком. Осознав, что его влечет к человеку, с которым его связывают кровные узы, он первым делом подумал о том, чтобы убить его и замести следы. Но вслед за этим пришло чувство бессилия: этот мужчина — его сын, его единственный наследник, на которого он возлагал надежды.

Почувствовав, что отец внезапно замер, Жуань Мяньмянь обернулся и увидел, как Бай Сяо сотрясает надрывный кашель. Не тот ли это легочный недуг, который у него диагностируют лишь спустя годы? Бай Сяо был заядлым курильщиком, особенно любил крепкие сигары, и его легкие всегда были слабыми. Он никогда не обращал внимания на редкий кашель, пока дело не дошло до госпитализации.

Жуань Мяньмянь хотел было дать совет, но, вспомнив недавние события, проглотил слова. Он не мазохист, чтобы подставлять другую щеку после того, как его только что отхлестали по лицу.

Стоявший рядом телохранитель бесшумно протянул лекарство, но Бай Сяо, не успев его принять, закашлялся так сильно, что таблетки вылетели изо рта и рассыпались по полу. Он махнул рукой, приказывая всем замолчать, и кто-то уже побежал вызывать семейного врача.

Бай Сяо был столпом клана, и его здоровье — главной заботой. Если он сам не будет себя губить, то проживет еще долго.

Жуань Мяньмянь внезапно задался вопросом: неужели в прошлой жизни Бай Сяо действительно в одиночку тащил всё на себе до самой смерти? Может, в итоге он все-таки позволил Бай Яньлану стать наследником?

— Вон! Немедленно вон отсюда! — прорычал Бай Сяо почти сдавленным, хриплым голосом, словно обезумевший зверь в клетке.

Это моя комната! — хотелось крикнуть Жуань Мяньмяню, но, увидев ледяной взгляд отца, он мгновенно замолчал.

В памяти Бай Чжаньцзи Бай Сяо никогда не вел себя так. Этот человек всегда умел скрывать свои чувства, он мог управлять всеми событиями, не меняясь в лице. Это был первый раз, когда он видел подобный необъяснимый гнев — он даже не понимал, что именно вывело отца из себя.

С помощью наемника Жуань Мяньмянь поднялся на ноги. Уже у самых дверей он, повинувшись какому-то порыву, обернулся и посмотрел на фигуру Бай Сяо, стоящую против света. Уголки его губ дрогнули в холодной усмешке:

— Отец, ты постарел.

С этими словами, чувствуя внутреннее удовлетворение, он вышел. Он был доволен собой: даже если это был лишь маленький психологический удар, видеть, как Бай Сяо злится, было приятно, особенно после физических страданий.

Но он не знал, что после этих пяти невинных, на первый взгляд, слов ярость Бай Сяо, и без того бушующая, стала совершенно неуправляемой. Он стал отцом в шестнадцать лет — это была случайность, но ребенка растили, в клане Бай всегда находилась лишняя порция еды. А теперь между ними пролегла глубокая пропасть: шестнадцать лет разницы. Он уже проигрывал молодым, и для Жуань Мяньмяня он... слишком стар.

Жуань Мяньмянь направлялся в гостевую комнату, чтобы спрятаться от отца, пребывающего в состоянии климактерической ярости и раздвоения личности, но путь ему преградили охранники. Сейчас наследник казался им всё более похожим на главу клана, даже от одного его косого взгляда становилось не по себе.

— Господин, там живет...

— Кто? — его глаза, лишённые всяких эмоций, уставились на закрытую дверь. — Бай Яньлан?

В гостевых комнатах клана Бай редко кто останавливался, и единственным возможным кандидатом был Бай Яньлан, чья личность ещё не была обнародована.

— Ха, тогда мне тем более стоит зайти и посмотреть!

Бай Яньлан сидел на деревянном стуле, обдумывая, на каком этапе всё пошло не так. Его план был безупречен, единственным, чего он не учел, была внезапная атака Жуань Мяньмяня.

Он сжал кулаки так, что на руках проступили вены. Его ядовитый взгляд был устремлен на единственного человека, оставшегося на его стороне в клане Бай — старого дворецкого, который прослужил здесь двадцать лет и пользовался полным доверием. Дворецкому было за шестьдесят, даже его фамилия была дарована предыдущим главой клана. Он всегда был предан, но с тех пор, как узнал о происхождении Бай Яньлана, для него именно он стал единственным законным наследником, а старший сын, Бай Чжаньцзи, — лишь помехой на пути.

Хотя Бай Яньлан не понимал, почему дворецкий так рьяно ему помогает, сейчас он чувствовал лишь ненависть. Если бы Бай Чжаньцзи был таким, как гласили отчеты, он бы не проиграл так позорно. Все поражение было вызвано неверной информацией.

— Молодой господин, у вас ещё есть шанс. Глава уже вернул вас в клан!

— Ха, не называй меня господином! Я просто ублюдок, которого подобрали по случаю! — титул незаконнорожденного был его болью с самого рождения, и эта боль останется с ним, пока Бай Сяо не признает его официально.

— Пожалуйста, не говорите так о себе! — в панике воскликнул дворецкий.

— А как ещё говорить? Я, сын без имени и статуса, сижу в гостевой комнате. Он хоть раз

заглянул ко мне?! — Бай Яньлан опустил глаза, мрачно глядя на отражение лампы на полу.

— Глава внезапно принял вас, он был не готов. Вы не общались двадцать лет, конечно, возникнет отчужденность. В дальнейшем вам нужно сохранять спокойствие. Старший сын совсем не так страшен! — Бай Яньлан был слишком молод и до этого занимался не самой чистой работой, поэтому комплекс неполноценности был у него в крови. Дворецкий лишь сокрушался, что не мог воспитывать его с детства, но именно жизнь в трущобах закалила его характер. Если дать ему немного пространства для роста, у него еще будет шанс унаследовать клан!

— Хм, конечно, мне не сравниться с Бай Чжаньцзи! Он ведь воспитал ребенка своими руками! А я столько времени обманывался этим лицом разгильдяя!

Дворецкий задумался, его взгляд несколько раз сменился, прежде чем он ответил приглушенным тоном:

— Если старший сын действительно всё это время притворялся... то даже я не знаю, когда это началось.

Сколько же терпения нужно человеку, чтобы всё это время скрывать свое истинное лицо?

Бай Чжаньцзи был куда опаснее, чем они думали. Дворецкий налил Бай Яньлану чаю из только что заваренного чайника, и в его добрых глазах внезапно блеснул острый свет:

— Сейчас у вас, молодой господин, есть только один выход — действовать на опережение!

— Что мне делать? — Бай Яньлан ответил осторожно, боясь снова довериться. Предыдущая ошибка заставила его с недоверием относиться к дворецкому, но сейчас, не имея другой опоры, он был вынужден слушать.

Дворецкий повернул голову, прислушиваясь к чему-то, а затем медленно покачал головой.

Бай Яньлан замолчал. В этот момент дверь открылась.

Дверь открыл Жуань Мяньмянь. Глядя на двоих в комнате, он лениво улыбнулся, словно с ноткой насмешки, и оперся рукой о косяк. Со стороны он казался совершенно здоровым, и никто не догадался бы, что под его рубашкой скрывается израненная спина. Исполнитель наказания, Зеро, знал свое дело: спереди на рубашке не было ни единой складки, но сзади она была практически уничтожена. Однако двое в комнате, чье внимание было поглощено напряженной беседой, не имели возможности это заметить.

— Дворецкий, вы так заботитесь о моем новоявленном брате. Не боитесь, что кто-нибудь заподозрит излишнее рвение? — По логике вещей, кроме Бай Сяо, никто не знал о происхождении Бай Яньлана. Застигнутый врасплох, дворецкий, не подумав, ответил в тон Жуань Мяньмяню:

— Господин шутит. Я лишь выполняю приказ главы — обеспечить гостя всем необходимым и узнать его предпочтения в еде, чтобы всё прошло как нельзя лучше! — В словах дворецкого сквозила отчужденность, он даже пытался выставить Бай Яньлана чужаком. На самом деле, к

старшему сыну, которого он видел с пеленок, он питал некоторую искренность, но по сравнению с родным внуком это было ничто.

Мать Бай Яньлана была давно потерянной дочерью дворецкого. Казалось, сама судьба распорядилась так, чтобы внук вернулся к нему, даже если он собирался унести эту тайну в могилу.

— Хм, ну тогда принимайте гостя как следует, а я пойду навещу второго брата. — Жуань Мянмянь не стал спорить. Если бы не память Бай Чжаньцзи, он бы и не догадался, что актерская игра дворецкого достигла таких высот.

Видя, что Жуань Мянмянь уходит, и чувствуя, как давление его властной ауры ослабевает, оба невольно выдохнули. Наконец-то он ушел.

Они не заметили, что человек, которого они когда-то презирали, незаметно изменился до неузнаваемости. Они даже не осмеливались вести себя дерзко в его присутствии. Всё это было заслугой актерского мастерства Жуань Мянмяня и ореола таинственности. Каждый боится неизвестного. Резкая перемена в Бай Чжаньцзи заставляла их верить: этот человек всё время играл роль повесы, да так искусно, что обманул всех. Они сами выстроили психологическую защиту, считая его грозным врагом, и при личной встрече их уверенность в себе испарялась.

— О, кстати, Бай Яньлан, надеюсь, тебе не станет так одиноко по ночам, что ты решишь залезть в мою постель! — Жуань Мянмянь одарил его насмешливым взглядом. Талант язвить, доводить людей до белого каления — всё это было извлечено из качеств мастера обольщения и вплетено в обучение Жуань Мянмяня.

Его слова намекали на недавние попытки Бай Яньлана соблазнить его, высмеивая его «голод».

При мысли о том, что все эти месяцы над ним потешались как над клоуном, лицо Бай Яньлана вспыхнуло от ярости. Злая насмешка эхом отдавалась в ушах, повторяясь снова и снова. Он побелел от гнева, указывая на пустой дверной проем, но не мог вымолвить ни слова. Его ненависть стала еще глубже. Он поклялся, что во что бы то ни стало свергнет Жуань Мянмяня с его пьедестала.

Жуань Мянмянь же отправился навестить того, о ком в клане Бай старались забыть. Казалось, ни члены клана, ни посторонние не упоминают этого человека. В клане Бай был еще один младший сын, брат Бай Чжаньцзи, который был на год младше его — Бай Ляньхуа.

У Бай Ляньхуа был тяжелый аутизм, и с детства его держали в лечебнице. Маленький ребенок, запертый в месте, от которого можно сойти с ума, становился всё более замкнутым. После долгих лет лечения наметились улучшения, но о нем по-прежнему никто не вспоминал. Только когда Бай Чжаньцзи узнал об этом, он забрал брата домой, но поселил его в маленьком домике на втором этаже, подальше от главного здания, словно в изоляции. Бай Сяо никогда не проявлял желания признать этого сына, и Бай Ляньхуа изо дня в день ждал своего единственного спасителя.